

DOI: 10.15643/libartrus-2018.1.5

В. О. Ключевский о характере грусти философской лирики М. Ю. Лермонтова

© Г. Е. Горланов

Пензенский государственный университет
Россия, 440026 г. Пенза, улица Красная, 40.

Email: elizar41@mail.ru

Известный историк В. О. Ключевский постоянно интересовался художественной литературой. В статье прослеживаются его наблюдения над творчеством М. Ю. Лермонтова, и, в частности, рассматривается его анализ мотива грусти в произведениях писателя в статье «Грусть», опубликованной в журнале «Русская мысль» (1891 г.). Автор статьи пытается понять причины, рождающие мотивы грусти и подталкивающие его на самопознание, что присуще русскому архетипу. Сам литературоведческий анализ строится на стихотворениях «Парус», «Ночевала тучка золотая...», «Сон», «1831-го июня 11 дня». Анализируя стихотворение «Выхожу один я на дорогу», автор обращает внимание на то, что «скрытая грусть» особенно впечатляюще выражена в мелодических стихах, которыми можно выразить свое мнение без «переложений на ноты». Ключевский выразил в 50-ю годовщину со дня смерти М. Ю. Лермонтова. Позиция ученого-историка сказалась в сравнении Лермонтова в минуты грусти с кротким и набожным царем Алексеем Михайловичем. За такое уподобление его упрекнул писатель и литературный критик Н. М. Михайловский. Но В. О. Ключевский основательно рассмотрел мотив грусти в творчестве поэта, опираясь в качестве подтверждения своей точки зрения на стихотворные примеры. По этой причине Ключевский не согласился с упреками литературного критика. В статье ученого исследуются истоки появления мотива «грусти»: они ведут свое начало не столько в биографии юного Лермонтова, сколько в «нравственной истории» российского общества.

Ключевые слова: Ключевский, Лермонтов, грусть, история, стихотворение, самосознание, родина.

Выдающийся русский историк В. О. Ключевский, как известно, не замыкался в рамках истории. Будучи студентом Московского государственного университета, он под влиянием лингвиста Ф. И. Буслаева увлекался историей языка и колебался в выборе своей профессиональной деятельности. Увлечение историей, в конце концов, взяло верх, а занятия языком и литературой помогали ему всесторонне познавать исторические письмена. В истории русской литературы остались воспоминания о его произнесенной яркой речи «Памяти А. С. Пушкина» (26 мая 1899 г.). Ученым историкам и лермонтоведам известна также статья В. О. Ключевского «Грусть (Памяти М. Ю. Лермонтова, 15 июля 1841 г.)», комментирующая философские взгляды Лермонтова. Анализ этой статьи историка позволяет понять мировоззренческие позиции не только поэта, но и самого ученого.

Воззрения на творчество писателя (15 июля 1841 г.) опубликованы в седьмом номере журнала «Русская мысль», 1–18 страницы (1891 г.). Именно на нее даются ссылки в данной статье. Статья не была принята читателями и критиками однозначно. Свои мнения и ссылки на нее высказывали разные писатели, деятели культуры, философы, литературоведы XIX – начала XX в. [1, 2, 4, 6].

Внимательное прочтение статьи В. О. Ключевского свидетельствует о глубоком проникновении в лермонтовские тексты, которые он, без всяких сомнений, тщательно изучал и знал. О его осведомленности наследия Лермонтова свидетельствуют многочисленные цитаты из прозы, стихов, драматургии, писем писателя. Смею говорить не только о знаниях историком творчества Лермонтова, но и о любви к великому поэту. Само воспоминание о нем после 50-ти лет со дня гибели предпринято, чтобы, прежде всего, напомнить о значимости его поэзии. По этой причине идут рассуждения о его бессмертии и благодарения в адрес властей российского образования: «Образцовые стихотворения Лермонтова с разрешения учебного начальства держатся еще в педагогическом обороте, и благодаря тому многие знают наизусть и «Бородино», и «Ветку Палестины» и даже «Пророка». По всей вероятности, Ключевскому тоже нравились эти стихотворения.

Кто же такой Лермонтов для большого ученого, каким является Ключевский? Стоило ли говорить человеку, не связанному напрямую с филологией, о писателе через полвека, как его не стало? Ключевский не мог стоять в стороне от приближающего юбилея. Естественно, для него автор «Бородино» – поэт первоклассный, вне сомнений, хотя автор избегает превосходных степеней при оценке его творчества. Вопрос о признании решен. Не это главное, важнее всего понять суть содеянного писателем, была ли его поэзия «отзвуком какого-нибудь ценного общечеловеческого или, по крайней мере, национального мотива, или в ней прозвучало чисто индивидуальное настроение, которое сложилось под влиянием капризных случайностей личной жизни и вместе с ней замерло, обогатив только запас редких психологических возможностей». Если допустить только «индивидуальное настроение» в «грусти» М. Ю. Лермонтова, то это будет слишком мелко для большого поэта, ибо выражать чувства подобным образом могли многие стихотворцы первой половины XIX в. По мнению автора статьи «Грусть», аргументация подобного рода будет недостаточна. «В последнем случае поэзию Лермонтова едва ли стоит вызывать с тихого кладбища учебной хрестоматии».

«Тихое кладбище учебной хрестоматии» – место тоже весьма почетное, многие писатели были бы не против того, чтобы остаться на таком кладбище. Для Лермонтова такое местечко узковатое, он продолжал жить и через пятьдесят лет, когда писал статью В. О. Ключевский, и через сто, и в нашем XXI столетии. Таковую истину осознавал ученый и рассматривал творчество Лермонтова как великого русского национального писателя, пытавшегося понять и выразить наиболее характерные черты русского менталитета. Третий раз повторяю слово русский, хотя, если говорить объективно, то в крови поэта генетически заложена еще шотландская кровь. Впрочем, также, как и у Ключевского – мордовская. Многовековое дыхание благодатным воздухом огромной России делало их по духу русскими.

Становление личности не приходит в один день, а растягивается на многие годы, какими бы они не были по временной длительности. У Лермонтова же этот путь отличался особым своеобразием: «поэт не сразу понял себя; его настроение долго оставалось для него самого загадкой», требующей исследования. В данном случае Ключевский обращает внимание на стремление Лермонтова познать себя и свою судьбу в быстротекущем времени. Пытался отыскать и свою родословную, вначале испанских, а затем шотландских корней. Недалек он был от открытых связей с английским поэтом Байроном. «До конца своего недолгого поприща не мог он освободиться от привычки кутаться в свою нарядную печаль, выставлять гной своих душевных ран притом напускных или декоративных, трагически демонизировать свою личность – словом, казаться лейб-гвардии гусарским Мефистофелем», – писал Ключевский. Лейб-

гвардии гусарский Мефистофель – иронически тонко подмечено, хотя и не совсем справедливо. Правильнее было бы называть демоническую натуру не «гусарским Мефистоделем», а лирическим героем, имеющим с самим поэтом далеко не адекватное сходство. «Привычка кутаться в свою нарядную печаль» – всего-навсего маска, которую поэт-лирик вынужден был надевать на себя, находясь в тогдашних аристократических салонах. В другой жизненной обстановке гусарского Мефистоделя вообще не было, да и грусть была непостоянной.

В приведенной цитате имеется в виду стихотворение «Не верь себе» (1839 г.). Однако идея стихотворения направлена против тех, кто замыкается на собственном мире, свои личные переживания ставит выше общественных запросов. На это указывает и эпитафия французского поэта Огюста Барбье: «Какое нам, в конце концов, дело до грубого крика всех этих горлающих шарлатанов, торговцев пафосом, мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе?». У Лермонтова в четвертой строфе звучит так:

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волнения,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаления?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной [2, с. 54].

«Гусарский Мефистодель», по мнению автора, «не свойство его поэтической природы», а придуманный двойник. Прав Ключевский, встречалось и такое в юные годы. Были подражания. И не только Байрону, о чем пишет автор статьи, но и Пушкину, Жуковскому. Редко, кто из ищущих поэтов «не грешил» такими заимствованиями в юные годы. А вот вырос он из поэтических пеленок быстро, заявив в восемнадцатилетнем возрасте:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой [2, с. 367].

Новое настроение, – по мысли Ключевского, – выразилось в целом, в белом мятежном парусе («Парус»), растущих в знойной степи трех стройных пальмах, в дубовом листке, оторвавшемся от Родины, в одиноком старом утесе, плачущим в пустыне («Ночевала тучка золотая...»). К числу шедевров он относит «двойной «Сон», поражающий красотой скрытой в нем печали, в котором *он*, одиноко лежа в знойной долине Дагестана с пулей в груди, видит во сне, как *ей* среди веселого пира грезится его труп, истекающий кровью в долине Дагестана...» (курсив В. О. Ключевского – Г. Г.).

Имея в виду названные здесь стихотворения и другие строчки, Ключевский дает примечательное добавление: «То был не перелом в развитии поэтического творчества, а его очищение от наносных примесей, углубление таланта в самого себя». Лермонтоведы обычно выделяют из всего обширного творчества Лермонтова мотивы свободы и воли, одиночества, странничества, изгнанничества, родины, памяти и забвения, обмана, мщениия, покоя. Специальные статьи исследователей касаются мотивов Земли и Неба, сна. Обращают внимание на мотивы игры, пути, время и вечности, любви, жизни и смерти, судьбы и воли... Ключевский выискивает из всего написанного писателем ключевой мотив грусти. В этом есть своя логика.

Ученый историк видит ее природу в религиозно-нравственном чувстве. «Грусть, – по его мнению, – есть скорбь, смягченная состраданием к своей причине... и согретая любовью к ней. Скорбеть, значит, прощать того, кому сострадание». Такая грусть есть не что иное, как национальное своеобразие русского менталитета. Такая «грусть» непременно приводит к почвенным идеалам, так как больше всего выражает христианскую душу русского человека.

Понятие грусти, если к нему подходить поверхностно, может показаться простым, но оно с трудом поддается анализу, если его рассматривать как отзвук поэтического духа. Грусть переплетается в поэтическом выражении Лермонтова с его идеалом и даже с осмыслением счастья. При этом грусть, в понимании Ключевского, не является выявлением всего смысла жизни поэта, «а только характера личного существования, настроение единичного духа». Такая предпосылка позволяет ученому сделать вывод о Лермонтове как поэте «не мирозерцания, а настроения», как певца «личной грусти, а не мировой скорби» (курсив автора. – Г. Г.). Такую характеристику личностного «я» поэта разделяли многие читатели второй половины девятнадцатого столетия. Однако попытки филологов следующих поколений (далеко не всех) позволяют говорить о том, что в личной грусти поэта скрывается грусть многих представителей его поколения. «Его идеал счастья, мотивы скорби, проявление гражданских чувств выражали страсти отдельной части мыслящего общества. Добавлю – меньшей части населения. По этой причине видные деятели культуры первой половины XIX в. не принимали мировоззренческую позицию Лермонтова. В безнравственности обвиняли автора сразу же после публикации «Героя нашего времени» (апрель 1840 г.) и «Стихотворения М. Ю. Лермонтова» (октябрь 1840 г.) С. О. Бурачок, С. П. Шевырев, Н. А. Полевой, А. В. Никитенко. Как известно, царю Николаю Павловичу не нравился роман «Герой нашего времени».

Причины острых идейных столкновений в 40-е гг. XIX столетия можно объяснить тем, что поэт затрагивал актуальные вопросы своего времени. Странно в наши дни подумать, но стихам и прозе Лермонтова отказывали в русскости: «Не гордость ли человеческого духа видна в этих злоупотреблениях личной свободы воли и разума, какие заметны во Франции и Германии» [7].

Менявшиеся эпохи доказывали правоту Лермонтова, оставшегося в истории русской литературы как великий русский национальный писатель.

То были 40-е гг. XIX в., а через пятьдесят лет после гибели писателя В. О. Ключевский не только не отказывает лирическому «я» и главному герою романа в русскости, но и ставит ее в заслугу писателю. Рассуждения о грусти приводят историка к национальному пониманию грусти как философского явления. Более того, он выводит ее истоки из русской почвенности, т.е. той славянофильской почвенности, к которой он принадлежал сам. Такая песенная грусть, по мнению Ключевского, стала звучать, как только он начал петь: «И грусти ранняя на мне печаль». Цитата взята Ключевским из стихотворения «1831-го июня 11 дня»:

Я предугадал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печаль;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать [2, с. 353].

Под каким влиянием родилась и воспитывалась такая грусть? Благодатной почвой явилась сама действительность, начиная с детских лет автором стихотворения «1831-го июня 11 дня», когда он оказался сиротой и вынужден был не столько видеть, сколько чувствовать неприязненные отношения его любимой бабушки и желающего ему добра и счастья отца.

Затем зародившееся противоречие перекинулось на неравноправное общество в социальном отношении и особенно – нравственную его сторону. Источником грусти, по Ключевскому, стало не торжество нелепой действительности над разумом и не протест последнего против первой, а торжество печального сердца над своею печалью, примиряющее с грустной действительностью. Такова, по крайней мере, грусть в поэтической обработке Лермонтова».

На страницах статьи «Грусть» возникает проблема счастья, которую поэт якобы оставил «с обратной его стороны, с изнанки». «Она пыталась указать, в чем не следует искать счастья и как можно без него обойтись». Рассуждения о счастье и грусти наталкивают на размышления о «христианской грусти»: «практическая грусть Лермонтова была художественным отголоском этой практической русско-христианской грусти».

Трудно согласиться с Василием Осиповичем в толковании о противоречиях и дурном характере поэта. Логика рассуждений следующая: родился он в этой среде и привык «дышать ее воздухом, усвоил много дурных ее привычек и понятий». При этом «он не восставал против коренных ее недостатков». Внешне, если смотреть на проявление характера Лермонтова, так оно и есть. На самом деле автор «Героя нашего времени», песни «Про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», стихотворений «Бородино», «Валерик», «Пророк» перерос самодовольную среду, в которой общался, восставал против коренных ее недостатков. Об этом свидетельствуют многие его произведения. Да и сам автор статьи признает дерзкое отношение к обществу, когда цитирует 84 строфу из поэмы «Сашка»:

...по праву мести

Стал унижать толпу под видом лести [2, с. 423].

«При виде этого «надменного, глупого света с его красивой пустотой», – продолжает Ключевский, – как ему хотелось дерзко бросить ему в глаза железный стих, облитый горечью и злостью!».

Нельзя не согласиться в этом случае с Ключевским об изменениях в мировоззрении поэта, о переходе «в новую фазу» его печального настроения, в состояние примирения со своей печалью. Мудрое отношение к жизни сменяют «бури рока». В подтверждении своей гипотезы приводится цитата из стихотворения «Из альбома С. Н. Карамзиной» «он начинал любить

Поутру ясную погоду,

Под вечер тихий разговор».

Ключевский как истинный историк, но теперь уже историк литературы, намекает на изменения взглядов Лермонтова на жизнь, на отказ от романтического направления и перехода к реалистическому мировосприятию. В салоне Софьи Николаевны Карамзиной (дочери писателя и историка Н. М. Карамзина) часто бывал поэт и встречался здесь со многими известными литераторами. Софья Николаевна считала Лермонтова поэтом-романтиком. Поэт в своем посещении в шуточной форме показывает ей, что уже другой:

Любил и я в былые годы,

В невинности души моей,

И бури шумные природы,

И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной

Я скоро таинства постиг,

И мне наскучил их несвязный

И оглушающий язык...[2, 1.109].

Как это похоже на позднего А. С. Пушкина-реалиста из романа в стихах «Евгений Онегин» (отрывки из путешествия Онегина):

Иные мне нужны картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи –
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых... [5].

В. О. Ключевский не хуже умудренного филолога подметил изменения в лирике Лермонтова. Такие выводы мог сделать только ученый, глубоко разбиравшийся в тонкостях поэзии. Прочитав заключение, обобщающие строчки автора статьи. «Поэзия Лермонтова, освобождаясь от разочарования, навеянного жизнью светского общества, на последней ступени своего развития близко подошла к этому национально-религиозному настроению, и его грусть начала приобретать оттенок поэтической резиньяции, становилась художественным выражением того стиха молитвы, который служит формулой русского религиозного настроения: *да будет воля Твоя*. Никакой христианский народ своим бытом, всею своею историей не прочувствовал этого стиха так глубоко, как русский, и ни один русский поэт доселе не был так способен глубоко проникнуться этим народным чувством и дать ему художественное выражение, как Лермонтов» (курсив В. О. Ключевского. – Г. Г.).

Не согласился со «смирennemудрыми словами» *Да будет воля Твоя* критик и публицист Н. К. Михайловский в статье «Герой безвременья», написанной в этом же 1891 г. и опубликованной в журнале «Русские ведомости». Неприемлема была точка зрения историка для советских литературоведов в атеистическом двадцатом столетии, и только в конце XX и начале XXI в. с мнением ученого соглашаются многие литературоведы.

Литература

1. Бицилли П. М. *Этюды о русской поэзии*. Прага, 1926. С. 225–276.
2. Дурьлин С. Н. Судьба Лермонтова // *Русская мысль*. М.: 1914. Кн. 10. С. 1–804.
3. Лермонтов М. Ю. *Собр. соч. в 4 т.* М.: Художественная литература, 1964. Т. 1.
4. Михайловский Н. К. *Сочинения*. СПб., 1897. Т. 5. С. 303–348.
5. Пушкин А. С. *Собр. соч. в десяти томах*. М.: Правда, 1981. Т. 4. С. 172.
6. Сакулин П. Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова // *Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник*. М., 1914. С. 1–55.
7. Шевырев А. С. «Герой нашего времени» // *Москвитянин*. 1841. Ч. 1. №2. С. 532.

Поступила в редакцию 28.12.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.1.5

V. O. Kluchevsky about the character of sadness in M. Yu. Lermontov's philosophical lyrics

© G. E. Gorlanov

*Penza State University
40 Krasnaya Street, 440026 Penza, Russia.*

Email: elizar41@mail.ru

The famous Russian historian V. O. Kluchevsky had been constantly interested in literature. In this article, the author considers Kluchevsky's observations on M. Yu. Lermontov's creativity through the analyses of sadness motives in the article "Sadness" published in the journal "Russian Thought" (1891). Kluchevsky tried to understand how sadness motives were appeared in the Russian literature and how these motives influenced Lermontov's self-reflection. Literary analyses is constructed on famous Lermontov's lyrics, such as "Sail", "The golden cloud slept...", "Dream" and "July the 11th of 1831". Analyzing the lyrics "I go out alone on the road..." the author of this article paying attention to "hidden sadness", which is expressed impressively in melodious Lermontov's lyric without "arrangement for notes". Kluchevsky had expressed it on the 50th anniversary of Lermontov's death. The position of the historian reflected in his comparison of sad Lermontov with meek and devout Russian tsar Alexey Mikhailovich. For this comparison, he was reproached by writer and literary critic N. M. Mikhailovsky, but Kluchevsky thoroughly considered sadness motives in poet's creativity based on examples from the lyrics and disagreed literary critic's reproaches. The origins of sadness motives studied in the historian's article are in lesser degree connected with the biography of young Lermontov and rooted in the "moral history" of all Russian society.

Keywords: Kluchevsky, Lermontov, sadness motive, history, lyrics, self-reflection, homeland.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Gorlanov G. E. V. O. Kluchevsky about the character of sadness in M. Yu. Lermontov's philosophical lyrics // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 1. Pp. 38–44.

References

1. Bitsilli P. M. *Etyudy o russkoi poezii [Etudes on Russian poetry]*. Praga, 1926. Pp. 225–276.
2. Durylin S. N. *Russkaya mysl'*. Moscow: 1914. Kn. 10. Pp. 1–804.
3. Lermontov M. Yu. *Sobr. soch. v 4 t. [Collection of works in 4 volumes]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1964. Vol. 1.
4. Mikhailovskii N. K. *Sochineniya [Works]*. Saint Petersburg, 1897. Vol. 5. Pp. 303–348.
5. Pushkin A. S. *Sobr. soch. v desyati tomakh [Collection of works in ten volumes]*. Moscow: Pravda, 1981. Vol. 4. Pp. 172.
6. Sakulin P. N. *Venok M. Yu. Lermontovu: Yubileinyi sbornik*. Moscow, 1914. Pp. 1–55.
7. Shevryev A. S. *Moskvityanin*. 1841. Pt. 1. No. 2. Pp. 532.

Received 28.12.2017.